

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Русское Богатство“—декабрь, „Миръ Божій“ январь, „Северный Вѣстникъ“ № 8—9.

I.

Два профессора—два мнѣнія. Двѣ писательницы—два различныхъ, взаимно исключаютелыхъ другъ друга, взгляда на одинъ и тотъ же вопросъ.

И что всего удивительнѣе—двѣ писательницы, когда-то трактовавшія «проклятые» вопросы почти въ унисонъ, съ одной и той же точки зрѣнія...

Если читатель не догадывается самъ, то мы ему скажемъ, что рѣчь идетъ о г-жѣ Северинъ и г-жѣ Ольгѣ Шапиръ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ г-жа Северинъ (Мердеръ) «подавала надежды», проявила гражданскую скорбь, говорила со слезой и о «малыхъ сихъ», брошенныхъ на произволъ судьбы, и объ униженныхъ, жертвахъ челоѵческаго безсердечія, а затѣмъ въ ея писательской машинѣ развились какіе-то вспомогательные винтики. Появились аляповатая писанія съ вулгарнымъ присвистомъ; «слеза» уступила мѣсто злобнымъ бормотаніямъ о вредѣ образованія прислуги и рабочихъ; та капля поэзія, которая примиряла раньше читателя съ крупными и мелкими шероховатостями произведеній г-жи Северинъ, замѣнилась ядомъ недомыслия и озлобленія. Резонерство, кабинетная рутина, созерцаніе русской жизни не въ первоисточникахъ, не лицомъ къ лицу съ этой жизнью, а изъ узкаго столичнаго «окна» произвели въ г-жѣ Северинъ глубокія органическія измѣненія и поставили ее въ ряды плохихъ посредственностей, интересующихся не столько содержаниемъ своей работы и ея идейной стороной, сколько вещественными результатами...

Писатель-челоѵкъ исчезъ, расплылся въ нездоровомъ туманѣ столицы, духовно атрофировался. Осталась вѣчно раздраженная, вѣчно озлобленная «пишущая дама», быть можетъ, страдающая періодическимъ разлитіемъ желчи и злокачественными флюсами.

Г-жа Шапиръ, такъ долго и такъ много работающая въ толстыхъ журналахъ, уберегла, повидимому, душу живую и осталась вѣрна разъ выработанному міросозерцанію. По крайней мѣрѣ, каждый новый трудъ этой плодотворной писательницы, непременно затрагивающій то или другое общественное явленіе, всегда послѣдователенъ въ идейномъ отношеніи, достаточно колоритенъ и отдаетъ большой духовной бодростью. Время лишь укрѣпило тѣ аналитическіе, психологическіе и соціальные устои, безъ которыхъ литературная дѣятельность изображаетъ только забаву дилетанта или искусство для искусства.

Послѣдній разсказъ талантливой труженицы «Авдотьины дочки», напечатанный въ журналѣ «Русское Богатство», заставляетъ смотрѣть на г-жу Шапиръ, какъ на вполне сложившуюся силу, заслуживающую довѣрія и уваженія.

Его могли продиктовать только тщательное изученіе вопроса и большая любовь къ маленькимъ сѣрымъ людямъ, наполняющимъ барскія кухни и переднія.

Изъ самаго заглавія читатель можетъ заключить, что рѣчь идетъ объ обыденныхъ жизненныхъ явленіяхъ и обыденныхъ вопросахъ, мимо которыхъ толпа ежедневно проходитъ, даже не подозрѣвая, что такіе вопросы существуютъ и могутъ давать «матеріалъ» для беллетристическихъ произведеній.

Генеральская кухарка Авдотья произвела на свѣтъ Божій дочь Аришу да дочь Сашу.

Когда дѣвочки подросли, Аришу обучили шитью и пристроили горничной въ томъ же генеральскомъ домѣ, а Саша избрала болѣе широкую дорогу—поступила, не безъ труда, разумѣется,—на акушерскіе курсы, мечтая о широкой самостоятельности и полезной, въ общественномъ смыслѣ, производительной работѣ.

Для маленькой семьи генеральской кухарки Саша была свѣтлымъ лучемъ, единственнымъ жизненнымъ импульсомъ. Вѣчно веселая, бодрая, полная новыхъ отраднхъ впечатлѣній, неутомимо дѣятельная—Саша постоянно будила и старшую сестру, заваленную мелочной, отупляющей работой, и старуху мать.

Личнымъ примѣромъ она заставила Аришу взглянуть на свое положеніе подневольной работницы критически, заставила сопоставить свое положеніе съ положеніемъ «свободныхъ» людей, а затѣмъ привила ей мысль о возможности иного существованія.

Устроить жизнь по иному для Ариши оказалось тѣмъ легче, что къ ней присватался пожилой солидный челоѵкъ, какой-то желѣзнодорожный служащій, пообѣщавшій дать необходимую сумму на устройство собственной мастерской.

О страстномъ молодомъ увлеченіи, о любви Ариша не думала. То и другое роскошь, привилегія богатыхъ людей, и когда генеральскій сынъ предложилъ красивой горничной перейти на ампулу содержанки, при чемъ давалъ извѣстную сумму на открытіе модной мастерской, Ариша съ негодованіемъ отклонила слишкомъ откровенный барскій проектъ. Ея здоровое, не исковерканное плохимъ воспитаніемъ по моднымъ образцамъ, нравственное чувство возмутилось при видѣ такого цинизма и спасло ее отъ позорныхъ компромиссовъ.

— Да вѣдь соглашаешься же ты отдать молодость и красоту какому-то увальню только за то, что онъ будетъ кормить, поить, одѣвать и

открыть мастерскую?—изумлялся генеральский сынъ.

— То иное дѣло. Тамъ все по-человѣчески и по закону. Мужъ будетъ не только кормить, а и уважать, и беречь, и жалѣть...

Въ этихъ немногихъ словахъ дѣликомъ отразилась средняя русская женщина, съ ея органической потребностью въшшняго и внутренняго благообразія, нравственной порядочности, самодисциплинированія.

Какъ бы ни развращали среднюю русскую женщину, въ какия бы тяжелыя условія ни ставили ее—она всегда сумѣетъ уберечь хоть единую каплю душевной чистоты и ясное, сознательное отношеніе къ не писанному, не регламентированному, *нравственному долгу*.

Авторъ не идеализируетъ Аришу, а рисуетъ съ натуры, переноситъ на бумагу живой типъ, возможный и совершенно необходимый въ дни крайняго нравственнаго шатанія, духовной безпочвенности, жажды наслажденій, продажности.

Сапа—типъ болѣе сложный, слегка прикрашенный, но опять-таки вполне возможный.

Дочь хухарки, какъ и дочь генеральши, имѣетъ душу, мозгъ, нервы.

Имъ обѣимъ въ одинаковой степени присуща потребность духовной свободы, знанія, свѣта, разумной жизни.

Обѣ могутъ и должны развивать свои умственные способности, учиться, получать свою порцію счастья.

Привилегія рожденія, сословныя преимущества, богатство и знатность не играютъ никакой роли въ вопросахъ пріобрѣтенія знаній, въ ихъ распредѣленіи по извѣстнымъ общественнымъ слоямъ, въ ихъ дифференціаціи.

Въ заключительной главѣ своего разсказа г-жа Шапиръ превращаетъ Сапу въ невѣсту студента-медика, сглаживая этимъ сословную разницу, давно уже сглаженную наукой, знаніемъ, той высшей культурой, передъ которой всѣ равны, разъ они не зарываютъ въ землю данныхъ имъ природоу способностей, учатся, работаютъ, поддерживаютъ общественный строй.

Въ разсказѣ встрѣчаются мѣстами нѣкоторыя натяжки и утрировки, но въ цѣломъ онъ является прекраснымъ, горячо написаннымъ протестомъ противъ все еще сильныхъ, все еще заявляющихъ о себѣ сословныхъ предрасудковъ, мѣшающихъ привилегированной части общества видѣть въ прислугѣ *людей*, со свойственными людямъ духовными потребностями и интересами.

Всѣ созданы для осмысленнаго труда и счастья,—говоритъ авторъ между строкъ и говоритъ святуу истину, отрицать которую могутъ только обскуранты и слѣпорожденные.

II.

Отрицательная сторона импрессионизма заключается въ ложномъ освѣщеніи данныхъ предметовъ, въ вычурности позъ, въ неестественности тоновъ, въ извращенности красочныхъ сочетаній и въ полномъ несоотвѣтствіи общаго рисунка и колорита съ внутреннимъ содержаниемъ.

Импрессионизмъ литературный идетъ той же дорогой, преслѣдуя единственную цѣль—какъ можно сильнѣе повліять на нервные центры читателя, смѣять и оглушить его крикомъ задорныхъ фразъ, иногда откровеннымъ цинизмомъ и почти всегда неестественнымъ освѣщеніемъ облюбованныхъ картинъ, сценъ, типовъ.

Эта черта особенно заявляетъ о себѣ въ каждомъ новомъ произведеніи «начинающаго» писателя М. Горькаго, не выходящаго изъ сферы ночлежныхъ домовъ, притонныхъ, обжорныхъ рядовъ, трактировъ.

Обладая несомнѣнной наблюдательностью и крупной творческой способностью, М. Горькій или повторяется, или прибѣгаетъ къ методамъ импрессионистовъ: онъ набрасываетъ рядъ подмѣченныхъ будничныхъ явленій растрепанными мазками, подкушаетъ колоритомъ, а кончаетъ удивительными пустяками въ видѣ прописныхъ сентенцій, какия часто встрѣчаются на оберткахъ леденцовъ: «Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,—дорога твоя любовь», «И черезъ золото слезы льются», «И подъ сѣрымъ армякомъ бьется сердце», «Ноги грязны—да душа чиста» и т. д. И это вполне понятно.

Избранная имъ сфера крайне узка, однотонна, неподвижна.

Въ ней существуютъ свои традиціи, свой особый жизненный складъ, втиснутый въ узкія рамки, а количество смѣлыхъ, оригинальныхъ типовъ, пригодныхъ для перенесенія на бумагу, очень и очень ограничено.

Такимъ образомъ, самый дѣятельный наблюдатель и самый тонкій психологъ долженъ кончить повтореніями или импрессионизмомъ, для котораго совсѣмъ не нужно заглядывать въ потемки и грязь «шихановъ», обжорныхъ рядовъ, ночлежекъ.

Литературный импрессионизмъ нуждается въ нѣсколькихъ листахъ чистой бумаги, въ чернильницѣ и въ парѣ стальныхъ перьевъ, ибо онъ не обуславливается ни временемъ, ни мѣстомъ, ни какими либо специальными знаніями или техническими приспособленіями.

Взявъ этакую какую-нибудь дубинообразную фигуру, придѣлавъ къ ней пару здоровенныхъ кулаковъ, обрядилъ въ лохмотья, назвалъ Артемомъ или Сидоромъ—и готово.

Артемъ или Сидоръ продѣлываетъ рядъ раскрашенныхъ авторомъ—импрессионистомъ гадостей, бахвалится, нестерпимо ломается, сквернословитъ, а читатель терпи, потому—импрессионистская мазня напечатана въ журналѣ.

Такимъ импрессионизмомъ отдаетъ отъ наброска г. Горькаго «Каинъ и Артемъ», напечатаннаго въ январской книжкѣ журнала «Миръ Божій».

«Каинъ»—это маленький, юркій еврей, продающій въ обжорномъ ряду большого приволжскаго города мелкую галантерею: булавки, шпильки, гребенки и проч.

Настоящее его имя—Хаимъ-Ааронъ Пурвиць, но его звали «Каинъ»,—звали за здорово живешь, ибо Хаимъ пробавлялся торговлишкой, ничего дурного не дѣлалъ и вѣчно нуждался. Иногда Хаима грубо обижали, иногда отымали всѣ жалкіе заработки и поколачивали, что едѣлало его въ концѣ концовъ философомъ-стойкомъ, умѣющимъ въ любую минуту выпалить по адресу обидчика той или другой цитатой изъ догматическихъ книгъ.

Въ томъ же обжорномъ ряду того же анонимаго приволжскаго города проживаетъ деревенскій паренъ Артемъ, обрисованный авторомъ по чисто боборькинскимъ методамъ, т. е. и ажурно, и зѣло смачно.

Артемъ—гроза торговцевъ и объектъ затаенныхъ страстныхъ вождельній ихъ женъ, охотно принимающій ласки, выпивки и денежные подарки, что постепенно превращаетъ его въ низкопробнаго «альфонса».

Онъ чванится, бахвалится, колотитъ слабыхъ, а затѣмъ попадаетъ въ пьяномъ видѣ въ жестокуу передѣлку: ночью на него набрасываются нѣсколько челоуѣкъ, жестоко избиваютъ и оставляютъ на берегу Воли, подъ старой, перевернутой вверхъ дномъ бѣляной.

Здѣсь, строго говоря, и слѣдовало бы кончить набросокъ.

Артемъ получилъ заслуженное и утратилъ значеніе несокрушимой силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ—всякій интересъ.

По автору не нравятся такой наиболѣе естественный конецъ.

Онъ перемѣщаетъ подь опрокинутую бѣяну Каина съ бутылкой водки въ рукахъ. Каинъ растираетъ водкой избитаго Артема на томъ основаніи, что всѣ люди—человѣки и что Артемъ можетъ пригодиться по выздоровленіи, ибо его не убили, а только прибили, заливадается чувствительными слезами и при помощи этихъ завѣдомо выдуманыхъ авторомъ манипуляцій сближается со своимъ «паціентомъ».

Черезъ мѣсяцъ Артемъ снова занявъ въ обжорномъ ряду свое ампула всесокрушающей силы и дешеваго альфонса, а рядомъ съ этимъ—и, добавочное ампула защитника Хаима Каина.

— Ежели тебя хоть пальцемъ тронуть, ты скажи мнѣ, а я всѣхъ сокрушу!

Однако послѣднее ампула начало тяготить Артема, и какъ-то вечеромъ, лежа на берегу рѣки, онъ заявилъ Каину:

— Ежели тебя обидятъ, ты ко мнѣ не иди и не жалуйся мнѣ... я не могу тебѣ помочь... и въ защиту не пойду. Понимаешь? Нельзя мнѣ это...

Послѣ этого Артемъ безмятежно уснулъ, подложивъ руки подь голову, а угнетенный разговоромъ Каинъ направился къ своимъ печальнымъ пенатамъ.

Этотъ небрежный набросокъ, лишенный правды и настоящаго душевнаго тепла, даетъ два вывода: городъ губитъ деревенскихъ Артемовъ, превращая ихъ даже въ альфонсовъ, что извѣстно гораздо раньше появленія въ печати рассказовъ г. Горькаго и въ новыхъ доказательствахъ не нуждается, а еврей никогда, молъ, не солется съ кореннымъ населеніемъ.

Второй выводъ очень приложимъ къ жизни Юга Россіи и совсѣмъ не приложимъ къ жизни Сѣвера.

Здѣсь евреевъ мало, они никому не мѣшаютъ, не монополизируютъ ни одной промышленной отрасли и пользуются хорошимъ, уравновѣшеннымъ положеніемъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Торговецъ, посредникъ, ремесленникъ ни въ комъ изъ сѣверянъ не возбуждаетъ ненависти, нетерпимости, презрѣнія и потребности борьбы, обычной тамъ, гдѣ всѣ выгодныя отрасли труда сосредоточены въ рукахъ евреевъ и гдѣ они составляютъ бремя для кореннаго населенія.

Здѣсь слово «жидъ» употребляется рѣдко и, насколько мы убѣдились, не имѣетъ того рокового, разъединяющаго значенія, какое оно имѣетъ въ южной черноземной полосѣ и въ юго-западномъ краѣ.

Короче, г. Горькій, примѣняя методъ литературныхъ импрессионистовъ, допустилъ серьезныя фактическія неточности и этимъ очень обезцѣнилъ свой набросокъ.

Въ другомъ мѣстѣ наброска онъ вводитъ грубую этнографическую «вольность», передѣлывая отрывокъ малорусской народной пѣсни на великорусскій ладъ:

«Ой, горько мнѣ живется!
Плохо я удался.
Тятьку съ братомъ повѣсили,
А я оборвался!»...

Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что этотъ отрывокъ не принадлежитъ къ русскому народному репертуару, а выхваченъ изъ драмы Кропивницкаго «Дай сердцу волю—заведе у неволю».

Тамъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ—Иванъ—поетъ:

«Недвуйтеса, дівчата,
Що я такий вдавс:—
Мого батька повісили,
А я обирився».

Ничего важнаго такое позаимствованіе и такая «вольная» передѣлка не представляютъ изъ себя, но они заставляютъ относиться къ литературной дѣятельности г. Горькаго и къ его методамъ изслѣдованія темныхъ угловъ съ большой осторожностью. Повидимому, онъ пишетъ свои наброски больше по «памяти», чѣмъ по непосредственнымъ наблюденіямъ.

Въ той же книжкѣ журнала помѣщена прекрасная статья г. Тарле «Чарльзъ Парнелъ», довольно полно характеризующая какъ личность борца за свободу Ирландіи, такъ и его полезную, самоотверженную дѣятельность, первая главы романа плодовитаго беллетриста К. Станюковича—«Равнодушные», переводная статья «Рескинъ и религія красоты» и рядъ другихъ статей.

Въ общемъ январская книжка журнала «Миръ Божій» производитъ выгодное впечатлѣніе и имѣетъ право на вниманіе читателей.

III.

О мертвыхъ дурно не говорятъ.

На этомъ основаніи мы скажемъ о послѣдней книжкѣ умирающаго «Сѣвернаго Вѣстника» очень немного.

Его издатели находятся во власти полнаго финансоваго кризиса и съ выпускомъ еще одной книжки совершенно прекращаютъ изданіе.

Небольшой эпизодическій рассказъ Салова—«Ночи безумныя» и окончаніе рассказа Е. Чирикова—«Въ отставку» составляютъ оригинальный беллетристическій багажъ книжки за августъ—сентябрь.

Поэзія «Сѣв. Вѣст.» по обыкновенію хромается на всѣ ноги.

Такъ, г-жа Лохвицкая, побывавъ въ Крыму, поетъ:

Утро спитъ. Молчитъ волна.
Въ водномъ небѣ тишина.
Средь опаловыхъ полей
Очертанья кораблей
Тонкимъ облакомъ видны
Изъ туманной бѣлизны».
И т. д. и т. д.

Порывшись въ памяти, вы припоминаете, что г-жа Лохвицкая поетъ старую пѣсню на новый ладъ:

„Сни, дитя мое, усни,
Сладкій сонъ къ себѣ мани.
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.
А на kota ворюга,
А на дитя дремота“...

И стоило ѣхать ради этого въ Крымъ? Г. Бальмонтъ тоже гдѣ-то побывалъ и то-же поетъ:

Вершины бѣлыхъ горъ
Подъ краснымъ солнцемъ свѣтять.
Спроси вершины горъ,
Они (они) тебѣ отвѣтятъ.
Расскажутъ въ тихій часъ
Багринаго заката,
Что нтъ любви для насъ,
Что къ счастью нтъ возврата.
И т. д.

Мы попробовали побряцать на лирѣ и вышло совсѣмъ не дурно:

Вершины бѣлыхъ горъ
Не грѣютъ и не свѣтять,
И на тифозный вздоръ
Во-вѣки не отвѣтятъ.
Молчатъ въ вечерній часъ
Багринаго заката,
Когда пьютъ чай и квась
И пловъ ѣдятъ съ салатомъ“.

Такая легкость бряцанія на лирѣ совсѣмъ вскружила намъ голову и мы зачисляемъ въ ряды профессиональныхъ поэтовъ, получающихъ по полтинѣ за строчку.